

Речь главнокомандующего Фиделя Кастро Руса по итогам встреч с представителями кубинской интеллигенции, состоявшихся в Национальной библиотеке Кубы 16, 23 и 30-го июня 1961 года. [1]

Дата:

30/06/1961

Товарищи!

После трех заседаний, на которых обсуждалась эта проблема и было поднято множество интересных вопросов, – из них многие были рассмотрены, другие пока остались без ответа, поскольку физически было невозможно обсудить каждый из них, – пришла моя очередь выступить, но не как человека, наиболее сведущего в этих темах, а как участника этой встречи и в силу необходимости изложить свою точку зрения на некоторые вещи.

Мне были очень интересны эти дискуссии. По-моему, я это доказал, проявив, что называется, «великое терпение» (СМЕХ). На самом деле, никакие героические усилия были не нужны, ибо для меня дискуссия оказалась познавательной и, к тому же, скажу честно, увлекательной.

Разумеется, в таких дискуссиях с участием нас, государственных людей – или, по крайней мере, конкретно в этом случае, моим участием, – мы оказываемся в некотором проигрыше в спорах по вопросам, в которых вы специализируетесь. Тот факт, что мы работаем в правительстве и представляем Революцию, не значит, что мы обязаны – ну, может, и обязаны, но в действительности, это не значит, что мы должны быть экспертами во всех областях. Пожалуй, если бы я пригласил многих из выступивших здесь товарищей на совещание Совета министров для обсуждения проблем, с которыми мы хорошо знакомы, они бы оказались в такой же, как и я, ситуации.

Мы – представители этой Революции, социально-экономической Революции, которая происходит на Кубе. Эта социально-экономическая революция, в свою очередь, должна непременно породить в нашей стране культурную революцию.

С нашей стороны, мы попытались кое-что сделать. Быть может, в первые моменты Революции нужно было решать другие, более срочные проблемы. Но в порядке самокритики могу сказать, что мы немного выпустили из виду обсуждение столь важного вопроса.

Это не значит, что мы полностью забыли об этой теме: этот вопрос – быть может, инцидент, который неоднократно упоминался здесь, помог ускорить его обсуждение, – уже входил в планы правительства. Уже несколько месяцев мы планировали организовать встречу, чтобы обсудить проблему культуры. Происшедшие события, и особенно последние, помешали этому. Однако революционное правительство приняло ряд мер, показавших, что нас беспокоила эта проблема.

Кое-что было сделано, и некоторые товарищи в правительстве настаивали на рассмотрении этого вопроса. Для начала можно сказать, что Революция сама по себе внесла изменения в культурную среду – изменились условия жизни работников искусства.

Мне кажется, что здесь был сделан упор на некоторых моментах с пессимистичным настроем. По-моему, высказанная здесь тревога превалирует над любым реальным оправданием, которое можно дать этой проблеме. Почти ничего не было сказано об изменениях в обстановке и актуальных условиях деятелей искусства и писателей.

Если сравнивать с прошлым, не вызывает сомнений, что кубинские деятели искусства и писатели не могут чувствовать себя, как ранее, в прошлом, ведь условия в прошлом были реально тяжелыми для деятелей искусства и писателей в нашей стране.

Но если Революция с самого начала принесла глубокие изменения в обстановку и условия, то к чему опасаться, что Революция, которая внесла в нашу жизнь эти новые условия для работы, может их отменить? К чему опасаться, что Революция упразднит новые условия, которые сама же и внесла в нашу жизнь?

Да, действительно, здесь обсуждается непростая проблема. Да, действительно, все мы обязаны ее всесторонне обсудить. Это как ваша, так и наша обязанность.

Это непростая задача, поскольку эта проблема возникала много раз и возникала во время всех революций. Это весьма запутанный, можно сказать, клубок, и распутать его непросто. Легко эту проблему не решим и мы.

Товарищи изложили здесь свою точку зрения – их множество. И каждая точка зрения имела свое обоснование.

Первый день чувствовалось некоторое опасение затрагивать тему, поэтому я счел необходимым попросить товарищей начать обсуждение вопроса, чтобы каждый из вас высказал здесь свои опасения, свои сомнения.

В сущности, если я не ошибаюсь, главной проблемой, витающей здесь в воздухе, была проблема свободы творчества. Различные писатели (особенно политические, не только писатели литературных произведений) во время своего визита в нашу страну не раз касались этой темы. Бесспорно, этот вопрос обсуждался во всех странах, где совершались коренные, как наша, революции.

Кстати, перед тем, как вернуться в этот зал, мне вручили брошюру, на обложке или в конце которой приведен небольшой диалог Сартра со мной, опубликованный товарищем Лисандро Отеро под названием «Беседы у озера» в газете «Революсьон» от 8 марта 1960 года. Похожий вопрос задал мне однажды и американский писатель Райт Миллс.

Должен признаться, что эти вопросы в какой-то степени застали меня врасплох. У нас не было своей «Яньаньской конференции» с кубинскими деятелями искусства и писателями во время свершения Революции. По сути дела, эта революция готовилась и свершилась, можно сказать, в рекордно короткий срок. В отличие от других революций, не все проблемы были решены. Поэтому одной из особенностей Революции стала необходимость решать многие проблемы поспешно.

И нам – как и самой Революции – во многом пришлось импровизировать. Поэтому нельзя сказать, что эта Революция прошла этап подготовки, как революции в других странах, и что руководители Революции имели интеллектуальную зрелость, как руководители революций других стран.

Мы считаем, что мы внесли свой вклад по мере наших сил в развитие текущих событий в нашей стране. Мы считаем, что общими силами мы совершаем подлинную революцию, и что эта революция совершается и, похоже, призвана стать одним из важных событий этого века. Тем не

менее, несмотря на этот факт, мы, как активные участники этих событий, не считаем себя ни теоретиками, ни интеллектуальной силой революции.

Если людей судят по их делам, то, наверное, я мог бы вправду считать своей заслугой дело, которое означает сама Революция, однако я так не думаю. И считаю, что все мы должны придерживаться аналогичной позиции. Какими бы значительными ни были совершаемые нами дела, мы должны, в первую очередь, придерживаться честной позиции и не кичиться тем, что знаем больше других, что мы достигли вершин знаний, что наши точки зрения непогрешимы, и тот, кто думает иначе, ошибается. То есть, мы должны занять эту честную позицию, без ложной скромности, но с трезвой оценкой всех наших знаний. Потому что, исходя из этой точки, я думаю, нам будет проще выбрать правильный путь. Думаю, что если мы все займем такую позицию – и вы, и мы, – то в такой действительности не будет места субъективным суждениям и предвзятому отношению к рассмотрению этих проблем.

И действительно, что мы знаем? На самом деле, мы все учимся. На самом деле, нам всем предстоит многому научиться.

Я не пришел сюда, чтобы кого-то учить. Я пришел сюда учиться.

Чувствовались кое-какие опасения, и некоторые товарищи эти опасения озвучили. Иногда мне казалось, что мы немного размялись, что никак не можем почувствовать твердую почву под ногами. Поскольку если меня в этот момент что-то и беспокоит, если меня в этот момент что-то и тревожит, то это связано с самой Революцией. Все мы должны тревожиться за саму Революцию. Или мы думаем, что уже выиграли все революционные битвы? Или считаем, что у Революции нет врагов? Или считаем, что Революции ничего угрожает?

Чего должен опасаться каждый гражданин в первую очередь? Что Революция впадет в крайность, что Революция подавит искусство, подавит творческий гений наших граждан? Или опасаться за саму Революцию? Что должно тревожит всех? Реальная или воображаемая опасность, которая может угрожать творческому духу или опасность, угрожающая самой Революции?

Я не собираюсь говорить об этой опасности, приводя ее качестве простого аргумента. Я обращаю внимание на то, что настрой всех революционных писателей и деятелей искусства или тех писателей и деятелей искусства, которые понимают и признают правоту Революции, должен исходить из понимания, какая опасность может угрожать Революции и что мы можем сделать, чтобы помочь Революции.

Думаю, что Революции предстоит еще много сражений, думаю, что в первую очередь мы должны подумать и позаботиться о том, что именно мы делаем для того, чтобы революция победила. Ибо это первое: первое – это сама Революция. И только потом мы можем заняться другими делами.

Это не значит, что другие вопросы не должны беспокоить нас, но наш настрой – по крайней мере такой, как наш – это заботиться, главным образом и первым делом, о Революции.

Проблема, которая здесь обсуждалась – и мы еще о ней поговорим – это проблема свободы самовыражения писателей и деятелей искусства. Присутствующих здесь беспокоит, что Революция подавит эту свободу, что Революция подавит творческий дух писателей и деятелей искусства.

Здесь шла речь о свободе формы. Все пришли к единому мнению по проблеме свободы формы. То есть, все пришли к общему мнению – и, по-моему, в этом никто не сомневается – по проблеме свободы формы.

Вопрос становится более деликатным и действительно главным моментом проблемы, когда речь

заходит о свободе содержания. Именно в этом заключается самый тонкий нюанс, поскольку дает повод самым разным толкованиям. Это наиболее спорный пункт этой проблемы: должна ли существовать полная свобода содержания в произведениях искусства.

Мне кажется, что некоторые товарищи отстаивают эту точку зрения. Возможно из-за опасения того, что они называли запретами, регулированием, ограничениями, нормами, властями, принимающими решения по этому вопросу.

Разрешите мне сказать вам, в первую очередь, что Революция поддерживает свободу, что Революция принесла стране массу свобод, что Революция, по сути, не может быть врагом свободы; что нет надобности тревожиться, как тревожатся некоторые из вас, что Революция подавит творческий дух, для этого нет никаких оснований.

В чем же заключается причина такой тревоги? Эта проблема может по-настоящему тревожить тех, кто не тверд в своих революционных убеждениях. Эта проблема может тревожить тех, кто сомневается в собственном творчестве и своей истинной способности созидать.

И тогда стоит спросить себя: может ли настоящий революционер, работник искусства или умственного труда, чувствующий Революцию и уверенный в том, что он способен служить ей, раздумывать над этим вопросом. То есть, по-настоящему революционные писатели и деятели искусства, уже не дают места сомнениям, сомнение – это для писателей и артистов, которые, не будучи контрреволюционерами, не чувствуют себя революционерами. (аплодисменты).

И это правильно, когда писатель и деятель искусства, не чувствующий себя по-настоящему революционером, размышляет над этой проблемой, то есть, когда честный деятель искусства, способный осознать весь смысл и справедливость Революции, задумывается над этой проблемой. Но революционер превыше всего остального ставит другое, революционер ставит другое даже превыше своего творческого духа, превыше всего остального он ставит Революцию. И по-настоящему революционный артист – это тот, кто готов пожертвовать даже своим художественным призванием ради Революции. (аплодисменты)

Никто никогда и не считал, что все люди либо писатели или деятели искусства должны быть революционерами, точно также как никто не может считать, что все люди или все революционеры должны быть деятелями искусства, и что все честные люди, именно потому, что они честные, должны быть революционерами. Быть революционером – это к тому же жизненная позиция, быть революционером – это к тому же и отношение к существующей действительности. Есть люди, которые смиряются с этой действительностью, приспосабливаются к этой действительности; а есть люди, которые не могут ни смириться, ни приспособиться к этой действительности и стараются ее изменить – это и есть революционеры.

Однако люди могут быть честными и приспосабливаться к этой действительности, просто в них нет революционного духа, их отношение к действительности – не революционное. И конечно же, деятели искусства – причем хорошие деятели искусства – могут и не иметь жизненного революционного настроения.

Именно для этой группы представителей искусства и интеллигенции Революция стала неожиданным событием, событием новым, событием, которое может глубоко затронуть их душу. Именно для этой группы представителей искусства и интеллигенции Революция может породить проблемы.

Для продажных, нечестных представителей искусства и интеллигенции проблем никогда не возникнет. Они знают, что им нужно делать, знают, что их интересует, знают, в каком направлении двигаться. Проблема по-настоящему встает перед теми представителями искусства и интеллигенции, кто не имеет жизненной революционной позиции, и тем не менее это честные люди.

Разумеется, у того, кто имеет такую жизненную позицию, будь то революционер или нет, будь тот деятель искусства или нет, есть свои цели и задачи. Эти цели и задачи направлены на изменение действительности, эти цели и задачи направлены на освобождение человека; цель – это именно человек, подобный тебе человек, и его освобождение есть цель революционеров.

Если у революционеров спросить, что для нас самое важное, мы ответим: народ. Всегда народ. Народ в подлинном смысле слова, то есть та часть народа, которому пришлось жить в условиях эксплуатации и самого жестокого забвения. Нашей главной заботой всегда будет подавляющее большинство населения, то есть угнетенные и эксплуатируемые классы. Призма, через которую мы смотрим на мир, такова: нам полезно то, что полезно для народа, для нас будет благородным, прекрасным и полезным то, что будет благородным, полезным и прекрасным для народа.

Если так не думать, если не думать за народ и во имя его блага, то есть, если не думать и не делать дело во имя блага эксплуатируемого большинства народа, по имя этой огромной массы людей, которую мы хотим освободить, тогда ни о какой революционной позиции не может быть и речи. По крайней мере, вот через такой кристалл мы оцениваем все то, что есть хорошего и прекрасного в каждом поступке.

Мы понимаем, что для человека, понимающего это, но при этом не готового за это бороться, проблема может стать целой трагедией. Мы – революционеры или считаем себя революционерами; тот, чье призвание к искусству превалирует над революционным духом, не может думать, как мы. Мы боремся за народ и не испытываем душевных противоречий, поскольку мы боремся за народ и знаем, что можем достичь наших целей.

Народ – это главная цель. О народе нужно думать в первую очередь, и только потом – о себе. И именно такая позиция может считаться по-настоящему революционной.

И перед теми порядочными людьми, кто не может занимать или не занимает такую позицию, именно перед ними и возникает проблема, о которой шла речь. И в той же степени, в какой Революция становится для них проблемой, они становятся проблемой для Революции – проблемой, которой должна заняться Революция.

Здесь справедливо отмечалось, что многие писатели и артисты не революционеры – честные люди, которые, более того, хотят помочь Революции; в чьей помощи, кроме того, Революция заинтересована; которые хотят работать вместе с Революцией, и Революция, в свою очередь, заинтересована в том, чтобы они вносили свои знания и свой труд на ее благо. Это проще оценить, когда анализируешь конкретные случаи. А среди этих конкретных случаев есть огромное количество фактов, которые не так-то просто проанализировать.

Здесь, например, выступил писатель-католик, рассказав о своих опасениях, причем сделал он это совершенно откровенно. Он спросил, может ли он истолковать какую-либо проблему со своей идеалистической точки зрения, и может ли он написать произведение, исходя из своей точки зрения; он абсолютно открыто спросил, можно ли в рамках революционного режима выражать подобные чувства, выражаться так, как он это чувствует. Он представил проблему в форме, которую можно назвать символической; его тревожил именно этот вопрос: может ли он писать так, как чувствует или как диктует его идеология – кстати, отнюдь не революционная; что он согласен с Революцией в том, что касается экономических или социальных вопросов, но у него философия отличается от философии Революции.

И это и есть случай, которому необходимо уделять значительное внимание, поскольку это показательный пример той части писателей и артистов, которые склоняются к работе с Революцией и желают знать какой свободой они располагают внутри революции для выражения своих чувств.

Именно эти круги и являются проблемой для революции, так же как и революция является проблемой для них. И долг революции - заниматься этими делами, долг революции - заниматься положением этих артистов и писателей. Потому что Революция должна стремиться к тому, чтобы привлекать не только всех революционеров, не только всех революционных представителей искусства и интеллигенции. Возможно, что людей, обладающих подлинно революционным духом, не большинство: революционеры - это авангард народа. Но революционеры должны стремиться к тому, чтобы весь народ шагал с ними. Революция не может отказаться от того, чтобы все честные люди, будь то писатели или артисты, шли с ней в ногу; Революция должна стремиться к тому, чтобы каждый, кто сомневается, стал революционером; Революция должна стараться завоевать своими идеями большинство народа; Революция ни при каких обстоятельствах не должна пренебрегать поддержкой большинства народа, она должна быть уверена, что может рассчитывать не только на революционеров, но и на всех честных граждан, которые, даже не являясь революционерами, то есть не имея революционного духа, находятся с ней в одних рядах. Революция должна отречься только от неисправимых реакционеров, от неисправимых контрреволюционеров.

Революция должна выработать политику для этих кругов, Революция должна придерживаться определенной линии в отношении этих представителей искусства и интеллигенции. Революция должна понимать эту действительность и, следовательно, действовать таким образом, чтобы все эти круги представителей искусства и интеллигенции, не имеющих подлинного революционного духа, нашли внутри Революции место для работы и творчества; и чтобы их творческий дух, даже если они не революционные писатели или артисты, имел потенциал и свободу выражения. В рамках Революции.

Это означает, что в рамках Революции - все, против Революции - ничего. Против Революции - ничего, ибо у Революции тоже есть свои права; а ее главное право - право на существование. И против права Революции на бытие и существование, не может идти никто, поскольку Революция - предусматривает интересы народа, поскольку Революция означает интересы всей нации - , никто не может справедливо предъявлять претензии против нее. Я считаю, что это совершенно ясно.

Каковы права деятелей искусства и писателей, будь они революционерами или нет? В рамках Революции - все, против нее - никакого права. (Аплодисменты).

И это не есть какой-то специальный закон для артистов и писателей. Это общий принцип для всех граждан, это основополагающий принцип Революции. Контрреволюционеры, то есть, враги Революции, не имеют никакого права идти против Революции, так как у Революции одно право: право на существование, право на развитие и право на победу. Кто может сомневаться в этом праве народа, девиз которого «Родина или смерть!», что значит «Революция или смерть», есть Революция или нет ничего, в праве Революции, девиз которой: «Мы победим!»? То есть, мы всерьез поставили перед собой задачу, и какими бы уважительными ни были личные резоны врагов Революции, гораздо большего уважения заслуживают права и резоны революции, тем более, что революция - это исторический процесс, что революция не является и не может быть продуктом прихоти или желания одного человека, что революция может быть лишь результатом потребности и воли всего народа. А перед правами всего народа, права врагов этого народа ничего не значат.

Говоря об исключительных случаях, я хотел всего лишь это высказать свои идеи более ясно. Я уже говорил, что эти исключительные случаи - это огромное множество разных менталитетов и самых разных опасений. И если у человека возникает какое-то сомнение, это не означает, что он не революционер. Мы попытались определить основные позиции.

Революция не может пытаться подавить искусство или культуру, ведь одна из целей и основных задач Революции - это развивать искусство и культуру, и именно для того, чтобы искусство и

культура стали настоящим достоянием народа. И желая для народа лучшую жизнь в плане материальном, мы желаем для народа лучшую духовную и культурную жизнь. И точно так же, как революция заботиться о создании условий и возможностей, способствующих удовлетворению всех материальных нужд народа, мы хотим создать условия, которые способствовали бы удовлетворению всех его культурных потребностей.

А, у народа низкий уровень культуры? Многие кубинцы не умеют ни читать, ни писать? Но ведь многие кубинцы голодают, или, по крайней мере, живут или жили в тяжелых условиях, в нищете; часть народа лишена необходимых материальных благ, и мы стремимся создать условия для того, чтобы народ получал эти блага. Таким же образом мы должны создать условия для того, чтобы все это культурное богатство досталось народу.

Это не значит, что люди искусства должны поступаться ценностью своих произведений и поступаться их качеством. Имеется ввиду совсем не это! Это значит, что мы должны из всех сил бороться за то, чтобы творческие работники работали для народа, а народ, в свою очередь, повышал свой культурный уровень, что способствовало бы его сближению с творческими людьми.

Невозможно обозначить какое-то одно общее правило – все направления искусства отличаются по своей природе; а здесь мы иногда обсуждали вопросы так, будто все направления искусства одинаковы. Некоторые выражения творческого духа по своей природе гораздо более доступны пониманию народа, чем другие виды творческой деятельности. Поэтому нельзя определить какую-то одну общую норму. Разве можно определить, представители какого вида искусства должны приближаться к народу, и в каких видах искусства народ должен приблизиться к творческим людям? Можно ли делать одно общее утверждение на этот счет? Нет! Это было бы слишком простым правилом.

Нужно постараться приблизить все виды искусства к народу, но, вместе с тем, необходимо сделать все, что в наших руках, чтобы народ научился понимать искусство больше и лучше. Думаю, что этот принцип не противоречит стремлениям артистов, тем более, если учесть, что люди творят для своих современников. Излишне говорить, что некоторые деятели искусства думают о своей посмертной славе. Я думаю – и ни во коем случае не считаю свое мнение безошибочным – что те, кто так полагает, занимается самовнушением. (аплодисменты)

И это не значит, что человек, работающий для своих современников, не должен думать о том, как сохранить свои произведения для потомства, поскольку произведения, созданные для его современников, даже независимо от того, поняли ли их его современники или нет, обретают историческую и универсальную ценность.

Мы не совершаем Революцию для грядущих поколений; мы совершаем Революцию вместе с этим поколением и ради этого поколения, независимо от того, что плоды этой работы принесут пользу грядущим поколениям и она станет историческим событием. Мы не совершаем Революцию для будущих времен; эта Революция войдет в историю потому, что она совершается по имя сегодняшнего дня, во имя сегодняшних мужчин и женщин. (аплодисменты).

Кто последовал бы за нами, если бы мы совершали революцию для грядущих поколений? Мы трудимся и создаем для наших современников, но это мешает ни одному произведению искусства претендовать на вечность.

Вот истины, которые мы все должны честно обсудить, и, думаю, делать это надо, исходя из некоторых главных истин, чтобы не сделать ошибочных выводов. И я не вижу причин для тревоги честных артистов и писателей.

Мы не враги свободы. Здесь нет врагов свободы. Кого мы боимся? Что это за власть, которая, по нашим опасениям, может подавить наш творческий дух? Какие товарищи из Национального

совета по культуре?

Из бесед с товарищами из Национального совета по культуре у меня лично сложилось такое впечатление, что их точки зрения и чувства весьма отличаются от высказанных здесь мнений об ограничениях, петлях на шею творческому духу и тому подобного духу. Я пришел к выводу, что товарищи из Национального совета по культуре, также, как и вы, обеспокоены вопросом достижения наиболее благоприятных условий развития творческого духа представителей искусства и интеллигенции.

Опасаться существования национальной организации, когда революция и революционное правительство просто обязаны располагать высококвалифицированной организацией, стимулирующей, поощряющей, развивающей и ориентирующей – да, ориентирующей! - творческий дух? Мы считаем это своей обязанностью! Разве это может как-то ущемлять права писателей и артистов? Может ли угрожать правам писателей и деятелей искусства опасение, что будут иметь место произвол и злоупотребление властью? Точно так же мы можем бояться, что стоя перед светофором, мы подвергнемся оскорблениям полицейского, точно так же мы можем бояться, что судья нас посадит, точно так же мы можем бояться, что революционная власть применит против нас силу; другими словами, нам пришлось бы тогда бояться всего этого. Однако, гражданин не должен бояться, что ополченец в него выстрелит, что судья его накажет или что власть применит против него силу.

Существование компетентного органа в области культуры не означает, что есть причина бояться, что этот орган будет злоупотреблять властью. Давайте подумаем, кто хочет, чтобы не было такого органа в области культуры? Точно также можно желать, чтобы не было ополченцев, чтобы не было полиции, чтобы не было государственной власти и даже государства. А если кое-кто так горячо желает, чтобы не было ни малейшей государственной власти, пусть не беспокоится и потерпит, так как наступит день, когда не будет и государства. (аплодисменты).

Должен существовать совет, который бы ориентировал, стимулировал, развивал, трудился над созданием наиболее благоприятных условий для работы людей искусства и умственного труда. А кто, если не этот совет должен, в первую очередь, защищать интересы людей искусства и умственного труда? Кто, если не Национальный совет по культуре, выдвигает законопроекты и предлагает меры разного плана для улучшения этих условий? Кто выдвигает законопроект по созданию национальной типографии для устранения ошибок, о которых здесь говорилось? Кто, если не Национальный совет, предлагает создание Института этнологии и фольклора? Кто выступает за то, чтобы имелся бюджет и иностранная валюта, необходимые для ввоза книг, которые на протяжении многих месяцев не попадают в страну, чтобы покупать материалы, необходимые для работы художников и скульпторов? Кто занимается экономическими проблемами, то есть материальными условиями деятелей искусства? Какая организация занимается множеством текущих потребностей писателей и деятелей искусства? Кто борется за необходимые бюджетные ресурсы, здания и проекты в правительстве для улучшения условий и обстановки, в которых вы будете работать? Никто иной, как Национальный совет по культуре.

Зачем же смотреть на этот совет с недоверием? Зачем же видеть в нем организацию, якобы ограничивающую наши условия, удушающую наш творческий дух, тогда, как она будет делать обратное? Можно понять, этого органа опасаются те, у кого вообще нет никаких проблем, однако в действительности те, кто может оценить необходимость всего процесса управления и всей работы, которую должен выполнять этот совет, никогда не будут судить о нем с недоверием, поскольку у совета несет обязанности перед народом, обязанности перед Революцией и революционным правительством, состоящие в выполнении целей, в которых он был создан. И этот совет так же, как и любой деятель искусства, заинтересован в успехе своей работы.

Не знаю, быть может, я упустил из виду ряд отмеченных здесь фундаментальных проблем. Горячо обсуждалась проблема фильма. Я его не видел: хотелось бы посмотреть (СМEX),

любопытно. Говорите, что фильм получил жесткую критику? Мне кажется, наоборот: ни один фильм не был удостоен такого внимания и никакой другой фильм не обсуждался столь горячо (СМЕХ).

Хотя я этот фильм не видел, мне известны мнения некоторых товарищей, которые его смотрели, в частности, мнение товарища Президента, мнение товарищей из Национального совета по культуре. Безусловно, я с большим уважением отношусь к этим мнениям, но, по-моему, что есть вещи, которые не оспариваются: это установленное законом право выполнять определенные функции, в данном случае Институтом кино или ревизионной комиссией. Разве это право правительства оспаривается? Имеет или не имеет правительство право выполнять эту функцию? В моем понимании, в данном случае, основная функция – это установить, во-первых, имелось ли или нет у правительства такое право. Можно спорить о формальной стороне вопроса: как осуществлялась проверка, проходила ли она в дружественной форме, было ли лучше прийти к дружественному решению вопроса; можно даже спорить о том, справедливо ли было принятое решения; однако есть вещи, которые не ставятся под сомнение, – это право правительства выполнять эту функцию. Ведь если мы опротестуем это право, это будет означать, что правительство не вправе проверять фильмы, которые будут показаны народу. И я думаю, это право не оспаривается.

Кроме того, есть вещи, которые мы все прекрасно понимаем: есть формы художественных и интеллектуальных проявлений, которые имеют более важную роль в просвещении народа или в его идеологической подготовке, и думаю никто не осмелится спорить с тем фактом, что одним из таких важнейших и ключевых средств распространения информации является кино и телевидение.

А можно ли вообще в процессе Революции оспаривать право правительства регулировать, проверять и контролировать фильмы, которые будут показаны народу? Разве речь идет об этом? Можно ли считать ограничением или формой запрета право Революционного правительства контролировать эти средства распространения информации, оказывающих столь огромное влияние на людей? Если мы поставим под вопрос это право Революционного правительства, то перед нами встанет проблема принципов, поскольку не признавать это полномочие революционного правительства – значит не признавать его функции и обязанность – особенно во время революционной борьбы – руководить народом и руководить Революцией.

Иногда казалось, что оспаривается это право правительства. И если в действительность оспаривается это право правительства, я считаю, что правительство имеет такое право. А если оно его имеет, то может это право осуществлять; может и с ошибками. Это не значит, что правительство не ошибается. Правительство, действующее в соответствии со своим правом или возложенными на него функциями, не может быть всегда непогрешимым.

Но кто настолько не доверяет правительству? У кого столь много сомнений? У кого столько предвзятости в отношении Революционного правительства, кто испытывает такое сильное недоверие к революционному правительству, что даже когда считает, что решение правительства было неправильным, думает, что это опасное явление, и мысль, что правительство может всегда ошибаться, служит поводом для паники? Я ни в коем случае не говорю, что это решение правительства было ошибочным, я говорю, что правительство действовало во исполнение своего права; я стараюсь войти в положение тех, кто участвовал в создании этого фильма, я стараюсь понять настроение тех, кто создавал этот фильм, и стараюсь понять даже их огорчение, недовольство и горечь из-за того, что фильм не был показан.

Любой может прекрасно это понять. Но надо понимать, что люди действовали во исполнение своего права и на основании мнения, получившего поддержку компетентных товарищей и ответственных товарищей правительства, а также, что в действительности нет оснований не доверять духу справедливости и равенства людей революционного правительства, так как революционное правительство не давало повода для того, чтобы кто-то ставил под сомнение его

дух справедливости и равенства.

Мы не можем думать, что мы совершенны. Мы не можем думать, что нам чужды эмоции. Возможно кто-то скажет, что некоторые товарищи из правительства обладают горячим нравом или что им не чужды эмоции, но разве тот, кто так считает, может утверждать, что сам он не поддается эмоциям? Можно ли осуждать индивидуальное поведение некоторых товарищей, если такое мнение также может носить личный характер? Здесь я мог бы сказать так: пусть первым бросит камень тот, кто считает себя совершенным или далеким от эмоций.

По-моему, дискуссии шли с выражением личного настроения и эмоций. В этих дискуссиях не было личных настроений и эмоций? Разве абсолютно все пришли сюда без эмоций и своего личного настроя? Разве абсолютно все пришли сюда, оставив в стороне коллективный дух? Разве не было течений и тенденций в ходе этой дискуссии? Этого нельзя отрицать. Если бы здесь сидел шестилетний ребенок, он бы тоже заметил и различные течения, и различные взгляды, и различные эмоции, которые присутствовали в обсуждении.

Товарищи говорили о многом, были и интересные вещи; некоторые высказали блестящие идеи. Все показали свою высокую эрудированность (СМEX). Но прежде всего здесь имел место один факт: факт самой дискуссии и свобода, с которой все смогли высказать свое мнение и аргументировать свои точки зрения; свобода, с которой все могли говорить и изложить свои мнения на многочисленном собрании, число участников которого росло с каждым днем, на собрании, которое, по-моему, было позитивным, собрании, на котором мы можем разобрать целый ряд беспокоящих нас вопросов и проблем.

Имели место и перепалки, кто в этом сомневается? (СМEX) Были и сражения, и междоусобица среди самих писателей и артистов, кто в этом сомневается? Была критика и критика в избытке, кто в этом сомневается? Были и товарищи, которые испытали свое оружие и испытали свое оружие на других товарищах, кто в этом сомневается?

Здесь говорили «раненые» и высказали свою жалобу в отношении того, что они сочли несправедливыми нападениями. К счастью, здесь не было убитых, только раненые (СМEX); есть даже товарищи, которые уже поправляются от нанесенных ран (СМEX). Некоторые из них пожаловались на то, что они считают явной несправедливостью: по ним ударили пушками большого калибра, не дав им даже защититься от огня.

Была и жесткая критика, кто в этом сомневается? И в каком-то смысле этот вопрос здесь ставился. И мы не можем пытаться объяснить эти вопросы в двух словах. Но я считаю, что здесь правильно отмечалось, что критика должна быть конструктивной, позитивной, а не разрушающей. Даже для меня, кто вообще не разбирается в критике, это ясно. По каким-то причинам слово «критика» стало синонимом слова «нападки», а ведь на самом деле это не так. Но если кому-то говорят: «Такой-то навел на тебя критику», то он сразу обижается, прежде чем спросить, что именно сказал этот «другой». (СМEX) То есть, чувствует себя так, как будто его уничтожили. То есть, в критике должен быть принцип: она должна быть конструктивной.

Если любому из нас, далеких от этих проблем и борьбы, от этих испытаний оружия, рассказали бы о случаях с некоторыми товарищами, оказавшимися на грани необратимой депрессии, мы, быть может, прониклись бы симпатией к жертвам; потому что у нас такая тенденция есть – симпатизировать жертвам.

Я здесь, честно говоря, хотел лишь содействовать достижению понимания и единства всех присутствующих. Поэтому я старался не употреблять слова, которые могли бы кого-то ранить или смутить. Но есть неоспоримый факт: может случиться так, что в этих битвах или разногласиях не все окажутся на равных условиях.

Со стороны Революции это не может быть справедливым. Революция не может давать оружие

одним для его использования против других, Революция не должна давать оружие одним для его использования против других. Мы считаем, что все писатели и артисты должны иметь возможность выражаться; мы считаем, что писатели и артисты, посредством своей ассоциации, должны иметь всеобъемлющий, общедоступный культурный журнал.

Вам не кажется, что это было бы справедливо?

Революция может предоставить эти ресурсы, но не ограниченному кругу лиц: Революция может и должна предоставить эти ресурсы таким образом, чтобы они могли использоваться всеми писателями и деятелями искусства.

В скором времени вы создадите Ассоциацию деятелей искусства, у вас будет съезд. Я не знаю, если будут обсуждаться вопросы, о которых говорил товарищ Вальтерио касательно Аранго и Парреньо и о Сако (СМЕХ); но мы знаем, что у вас будут собрания. И я предлагаю, чтобы в эту Ассоциацию деятелей искусства все должны прийти с по-настоящему конструктивным духом... А если кто-то считает, что его хотят исключить, если кто-то думает, что его хотят подавить, могу его заверить, что он полностью ошибается. Поэтому этот съезд можно и нужно провести с по-настоящему конструктивным духом. И я верю, что вы способны провести этот съезд в таком настрое. Пусть будет организована сильная ассоциация деятелей искусства и писателей – пришло время – и пусть вы все организованно, со всем своим энтузиазмом, будете способствовать выполнению задач, которые стоят перед вами в Революции. И пусть это будет сильная организация всех деятелей искусства и писателей.

Я считаю, что это подходящая формула для нашей следующей встречи – и я думаю, что мы должны вновь встретиться (аплодисменты)... По крайней мере, мы не должны добровольно лишать себя удовольствия и пользы от этих встреч, ставших для нас местом, где можно обсудить все эти проблемы. Мы должны встретиться вновь. Что это означает? Что мы должны и в дальнейшем обсуждать эти проблемы. Это значит, что все будут спокойны, потому что будут знать, что правительство уделяет внимание этим вопросам и, к тому же, что появиться возможность обсуждать их на общем собрании.

Мне кажется, это должно быть положительным аспектом для писателей и деятелей искусства. А мы продолжим принимать к сведению полученную информацию и пополнять свои знания.

Национальный совет должен иметь еще один орган распространения информации. Я думаю, что это поможет расставить все по своим местам. И это нельзя называть управляемой культурой или попыткой подавить творческий дух. Какой человек, если он в полном уме и к тому же артист, может опасаться, что это станет попыткой подавить творческий дух? Революция хочет, чтобы деятели искусства работали по максимуму на благо народа, она хочет, чтобы они вкладывали максимум интереса и труда в дело революции. И мы считаем, что это законное желание Революции.

Значит ли это, что мы будем указывать людям, что они должны писать? Нет. Пусть каждый пишет, что хочет. И если то, что он пишет, никуда не годиться, это его дело; если то, что он рисует не годиться, это его дело. Мы никому не запрещаем выбирать тему произведений. Напротив, пусть каждый выражается в той форме, какую он сочтет необходимой, и говорит свободно о той теме, о которой он желает говорить. Мы будем рассматривать результат его творчества через революционную призму. Это тоже является правом революционного правительства, такое же уважаемое, как право говорить то, о чем желаешь говорить.

Есть ряд мер, которые принимаются в настоящее время. О некоторых из них мы уже упомянули.

Для тех, кто обеспокоен проблемой национальной типографии, да, действительно, национальная типография, недавно созданная организация, возникла в трудных для работы условиях, потому что начала свою деятельность с выпуска в тираж газеты, которая внезапно закрылась. Я был там

в день, когда помещение, где печаталась эта газета, стало первым печатным цехом национальной типографии со всеми своими работниками и редакторами, где, кроме того, была напечатана серия книг на военные темы. Мы знаем, есть недостатки, которые будут откорректированы, и в этих целях уже представлен проект закона на рассмотрение правительством для создания при национальной типографии разных издательств, таким образом, чтобы не было больше жалоб, которые прозвучали на этой встрече по поводу национальной типографии.

Также заключаются или будут заключены соответствующие договоры с целью приобретения книг, материалов для работы, то есть, для решения всех тех проблем, которые волновали писателей и художников, и на чем столь упорно настаивал Национальный совет по культуре, потому что вы знаете, что в государстве существуют различные ведомства и различные учреждения, и что в рамках государства каждое из них требует и стремится иметь необходимые ресурсы для полного выполнения своих функций.

Я хотел бы отметить некоторые аспекты, в которых уже достигнут прогресс, и которые должны стать источником воодушевления для всех нас, например, успех, достигнутый симфоническим оркестром, который был восстановлен, полностью укомплектован, и который достиг высокого уровня не только в художественном, но и в революционном плане, потому что 50 членов симфонического оркестра являются ополченцами. Кубинский балет также был возрожден и только что побывал на зарубежных гастролях, где вызвал восхищение и признание во всех странах, где он выступал. Ансамбль современного танца пользуется успехом, и также получил очень высокую оценку в Европе. Национальная библиотека, в свою очередь, тоже проводит политику в пользу культуры, в пользу тех вещей, о которых вы говорили, с тем, чтобы пробуждать интерес народа к музыке, к живописи; в библиотеке создан отдел живописи, чтобы приблизить это искусство к народу; музыкальный, молодежный, детский отделы. Я посетил детский отдел Национальной библиотеки перед тем, как прийти сюда, и увидел, как много детей уже записались в этот отдел, ознакомился с работой, которая там ведется, и убедился в прогрессе, достигнутом Национальной библиотекой, что также является причиной предоставления ей правительством ресурсов, необходимых для дальнейшего развития этой работы. Национальная типография уже стала действительностью, а с новыми формами ее организации, это уже сейчас можно считать завоеванием Революции, которое внесет огромный вклад в образование народа.

Институт кино – это тоже реальность. На этом первом этапе, главным образом, были сделаны инвестиции, чтобы обеспечить его материальным оборудованием, необходимым для работы. По меньшей мере, революция заложила основы для киноиндустрии с огромными усилиями, если учесть, что наша страна не является промышленно развитой страной, и что приобретение всего этого оборудования потребовало жертв. Кроме того, если неимение больших возможностей для кино связано не с ограничительной политикой правительства, а с недостатком материальных ресурсов в настоящий момент для создания кинолюбительского движения, способствующего раскрытию всех талантов в кино, которое будет развиваться, когда эти ресурсы появятся. Политика киноинститута будет основана на обсуждении проблем и на соревновании между различными рабочими группами.

Пока нельзя судить о работе института кино как таковой. У института еще не было времени провести работу, которую можно было бы оценить, но он не бездействовал: мы знаем, что серия документальных фильмов, снятых киноинститутом, стала огромным вкладом в распространение дела революции за рубежом.

Но интересно отметить, что основы для киноиндустрии уже заложены. Была также проделана работа в области рекламы, конференций, продвижения культуры через различные организации, но, в конечном итоге, это ничто по сравнению с тем, что может быть сделано и к чему стремится Революция.

Есть еще ряд нерешенных вопросов, которые интересуют писателей и артистов, есть материальные проблемы, то есть проблемы экономического характера. Условия уже не те, что были раньше. Сегодня уже не существуют те узкие привилегированные круги, которые раньше покупали произведения искусства, кстати, по самым низким ценам, так как многие художники жили в нищете и забвении. Эти проблемы должны быть рассмотрены и решены Революционным правительством и должны стать предметом пристального внимания Национального совета по культуре. Нужно также рассмотреть проблема художников и артистов, которые уже не работают, они полностью лишены поддержки. Им нужно обеспечить не только адекватные материальные условия, но и дать гарантию, что им не придется беспокоиться о своем положении, когда они уже не смогут работать.

В какой-то степени, это относится к проведенной в институте работы по реорганизации существующей системы авторских прав, в результате которой ряд авторов, которые подвергались жестокой эксплуатации и чьи права нарушались, теперь имеют доход, который позволил многим из них выбраться из крайней нищеты.

Это всего лишь некоторые шаги Революции, которые ничего не значат, если за ними не последуют другие шаги для создания лучших условий.

Есть также идея организовать место для отдыха и работы деятелей искусства и писателей.

Однажды, когда я ездил по стране, у нас возникла идея построить городок в очень красивом месте на Исла-де-Пинос, или деревню среди сосновых лесов – в то время мы думали учредить какую-нибудь награду для лучших прогрессивных писателей и деятелей искусства мира – в качестве премии и, особенно, как дань уважения этим писателям и деятелям искусства. Проект не был реализован, но его можно возродить, чтобы создать городок или деревню, тихое убежище, которое располагало бы к отдыху и творчеству (АПЛОДИСМЕНТЫ). Думаю, было бы неплохо, если бы артисты, в том числе архитекторы, начали проектировать и представлять себе идеальное место отдыха для писателей и артистов, а мы посмотрим, смогут ли они договориться между собой (СМЕХ).

Революционное правительство готово вложить ресурсы в какую-либо статью бюджета прямо сейчас, когда все только начинает планироваться. И будет ли планирование тормозом для нашего революционного творческого духа? Ведь вы не забываете, что мы, революционеры, в какой-то степени, привыкшие к свободе, теперь столкнулись с действительностью, в которой дела должны планироваться; и в результате перед нами встает проблема, потому что до сих пор мы были свободными творцами революционных инициатив и революционных инвестиций, которые теперь нужно планировать. Не думайте, что у нас не имеется проблем. И, с моей точки зрения, мы тоже могли бы против этого протестовать.

Другими словами, уже будет известно, какая работа будет вестись в следующем году и в последующих годах. Кто будет спорить с тем, что экономику нужно планировать? Но это планирование включает в себя строительство места отдыха для писателей и деятелей искусства, и было бы хорошо, если бы Революция могла включить этот проект к тем, которые предстоит реализовать. Мы здесь беспокоились о положении писателей и артистов сегодня и немного забыли поговорить о перспективах на будущее. У нас нет никаких претензий к вам, но вдруг подумалось о том, какими будут писатели и артисты будущего, и какими они будут, когда встретятся вновь представители правительства – как и должно случиться, в будущем, через пять или десять лет, и это необязательно буду я – с писателями и деятелями искусства, когда культура приобретет то необычайное развитие, какого мы стремимся добиться. С писателями и деятелями искусства будущего, когда появятся первые результаты работы по нынешнему плану академий и школ.

Задолго до того, как эти вопросы были подняты, Революционное правительство уже занималось вопросами распространения культуры среди народа.

Мы всегда были неисправимыми оптимистами. Я считаю, без оптимизма невозможно быть революционером, поскольку революции приходится преодолевать весьма серьезные трудности. И оптимистом быть нужно! Пессимист никогда не сможет стать революционером.

На первом этапе революции существовали различные государственные органы, свойственные этой стадии. У революции были свои этапы. Был, например, этап, когда инициативы исходили от ряда органов; даже Национальный институт аграрной реформы проводил мероприятия по распространению культуры. Наша деятельность пересекалась даже с деятельностью Национального театра, потому что они делали одну работу, а мы, в свою очередь, делали другую. Все это уже будет предусмотрено внутри одной организации.

Так, по нашим планам, касающимся крестьян в кооперативах и фермерских хозяйствах, возникла идея донести культуру до сельской местности, до ферм и кооперативов. Каким образом? Привезти сюда сельских жителей, чтобы сделать из них инструкторов по музыке, танцам и театру. Только такие оптимисты, как мы, могут выдвигать инициативы подобного рода.

Как, например, пробудить интерес сельского жителя к театру? Где были инструктора? Где бы мы их взяли, например, чтобы отправить их в 300 сельских хозяйств и 600 кооперативов, что, я уверен, вы все согласитесь, является хорошим делом, и, прежде всего, чтобы начать раскрывать таланты народа и открыть в народе авторов и творцов, потому что, в конечном итоге, народ и есть сам по себе великий творец.

Мы не должны забывать об этом, и мы не должны забывать, также, о тысячах и тысячах талантов, которые будут затеряны в наших деревнях и городах из-за отсутствия условий и возможностей для развития, талантов, которые подобны тем скрытым гениям, спящим гениям, ждущим прикосновения нежной ручки – мне не хотелось бы показывать здесь свою начитанность, чтобы их разбудить и сформировать.

В нашей сельской местности, мы все в этом уверены – если только мы не считаем себя самыми умными людьми, родившимися в этой стране, и сразу скажу, что не думаю о себе ничего подобного... Я часто приводил в пример тот факт, что из всех примерно 1000 детей селения, где я родился, я был единственным, кто смог получить высшее образование, учась, кстати говоря, спустя рукава, не избежав учебы в целом ряде церковно-приходских колледжей, и т.д., и т.п. (СМЕХ).

Я не хочу никого здесь предавать анафеме, это далеко не так. Я говорю, что у меня есть такое же право, как у того, кто пришел и сказал то, что он хотел сказать и пожаловаться: «Я имею право жаловаться».

Кто-то говорил, что его формирование прошло в буржуазном обществе. Я могу сказать, что мое формирование прошло в более худшей атмосфере: меня воспитывали по наихудшей из реакционных систем, и большая часть лет моей жизни затерялась в обскурантизме, суевериях и лжи, во времена, когда человека не учили думать, а заставляли верить.

Я считаю, что когда человека пытаются лишить способности мыслить и рассуждать, из человека он превращается в одомашненное животное (АПЛОДИСМЕНТЫ). Я не выступаю против религиозных чувств человека. Я уважаю эти чувства, уважаю право человека на свободу убеждений и вероисповедания. Но это не значит, что уважали мое право; у меня не было свободы веры или культа, вера и культ мне были навязаны. Меня приручали в течение 12 лет (СМЕХ).

Разумеется, мне приходится с некоторым сожалением думать о годах, которые я мог бы посвятить систематическому обучению в период, когда у молодых людей проявляется наибольший интерес и любопытство к вещам, что позволило бы мне развивать в себе ту

культуру, к какой сегодня имеют всесторонний доступ кубинские дети.

Другими словами, несмотря на все это, один-единственный человек из 1000, который смог получить университетское образование, должен был пройти через эти каменные жернова, где чудом не был раздавлен психически. Один-единственный человек из 1000 прошел через все это. Почему? Да потому, что он был единственным из 1000, кому могли оплатить частный колледж в сельской местности.

Так вот, почему я должен верить, что я был самым способным и умным из 1000 человек? Я считаю, что мы являемся продуктом отбора, не столько естественного, сколько социального. В социальном плане я был отобран для поступления в университет, и в социальном плане я сейчас говорю здесь, то есть в результате процесса социального, не естественного отбора.

В результате социального отбора в тьме невежества жили, кто знает сколько десятков тысяч молодых людей, превосходящих всех нас; и это правда. И тот, кто считает себя человеком искусства, должен подумать о том, что где-то там есть люди, которым не удалось стать артистами, но они могли бы проявить себя на этой поприще намного лучше, – надеюсь, Гильен не рассердится на эти слова (СМЕХ). Не признать этого – все равно, что витать в облаках. В конце концов, мы привилегированные люди только потому, что не родились в семье извозчика. Но мы находимся в привилегированном положении не только поэтому.

Однако, короче говоря, я вот что хотел сказать (позже я скажу, в чем еще заключаются наши привилегии): все это говорит об огромном умственном потенциале, который остался нереализованным всего лишь из-за отсутствия возможностей. Мы предоставим возможность всем этим умам, создадим условия, которые позволят развиваться всем художественным, литературным, научным или любым другим талантам.

И подумайте, что означает Революция, которая этому способствует, что уже прямо сейчас, в следующем учебном году, начнет ликвидировать неграмотность, открывая школы во всех уголках Кубы с последующими кампаниями по укреплению знаний, формируя инструкторов, что позволит выявить и раскрыть любые способности. И это только начало. Все эти инструктора, которые будут работать в сельской местности, смогут выявить одаренных детей, чтобы направить их на обучение в школы-интернаты при Национальной академии искусств, и, в то же время, пробудить художественный вкус и культурный интерес у взрослых.

Ряд проведенных исследований выявил способности сельских жителей к художественному восприятию, восприятию культуры и их способности приступать немедленно к работе. Некоторые товарищи, побывавшие в кооперативах, добились создания театральных групп в этих хозяйствах. Кроме того, это недавно было доказано на практике, когда прошли представления групп из разных уголков страны и показаны художественные работы народных умельцев. Представьте себе, что будет, если в каждом кооперативе и на каждой ферме у нас будет инструктор по музыке и танцам.

За двухгодичный учебный курс мы сможем направить в сельскую местность 1000 – и даже более – инструкторов театрального искусства, танцев и музыки.

Открыты школы, которые уже работают, и, представьте себе, что будет, когда по всему острову в сельской местности появится 1000 танцевальных, музыкальных и театральных групп – не говоря уже о городе, в городе все немного проще, – что это будет означать в плане распространения культуры.

Вот здесь товарищи говорили о необходимости повышения культурного уровня народа. Но как это сделать? Революционное правительство занялась этим вопросом, Революционное правительство создает нужные условия для того, чтобы спустя несколько лет повысился культурный уровень, культура народа.

Мы выбрали эти три направления, но можно выбрать и другие виды искусства, и можно продолжать работать для того, чтобы развивать культуру во всех ее проявлениях.

Эта школа уже открыта, и работающие там товарищи весьма удовлетворены результатами, достигнутыми группой будущих инструкторов. К тому же, уже началось строительство Национальной академии искусств, отдельно от Национальной академии ремесленного искусства. Между прочим, Куба будет иметь самую великолепную в мире академию искусств. Почему? Потому, что эта академия будет находиться в самом фешенебельном квартале мира, где раньше жила самая богатая буржуазия в мире. И, именно здесь, в лучшем районе, где жила самая роскошная, самая показушная и – к слову – самая некультурная (СМЕХ И АПЛОДИСМЕНТЫ) буржуазия... ведь там ни один дом не обходился без бара, а в остальном – за редким исключением – вопросы культуры их не беспокоили; они жили как в сказке. Стоит прогуляться по этому району, чтобы увидеть, как они жили. Зато они не ведали, какую замечательную академию искусств они строили! (СМЕХ)

Это то, что от них останется, ибо ученики будут жить в домах, где раньше жили миллионеры, но не в закрытом режиме; они будут жить как дома и ходить на занятия в Академию. Академия будет находиться в зоне загородного клуба, группа архитекторов разработала проект – они здесь? Беру свои слова обратно. (Смех). Они разработали проект строительных работ; они уже приступили к работе, которую обязались завершить к декабрю; уже было доставлено 300000 футов красного дерева и других ценных пород для мебели. В центре поля для игры в гольф, на лоне сказочной природы, будет построена Национальная академия искусств и 60 общежитий, расположенных поблизости, рядом с ней – клуб, в котором, в свою очередь, будут размещаться столовые, залы, бассейн, и отдельное крыло для посетителей, где будут жить иностранные преподаватели, которые приедут нам помогать. Все это рассчитано на 3000 детей, то есть, 3000 учеников, которые будут здесь жить, и мы надеемся, что комплекс откроется к началу следующего учебного года. Одновременно с этим откроет свои двери Национальная академия ремесленного искусства со общежитиями, расположенные на другом поле для игры в гольф, и со схожей планировкой. Это будут национальные академии, но это не значит, что они будут являться единственными школами для наиболее способных детей, в которых обучение не будет стоить абсолютно ничего семьям учащихся, и будут созданы идеальные условия для их развития.

Любой из нас хотел бы в эту минуту оказаться на месте этих ребят, чтобы поступить в одну из этих академий. Так или нет? (Возгласы: «Конечно!»).

Здесь шла речь о художниках, которые питались кофе с молоком, на протяжении 15 дней питались лишь кофе с молоком. Вы посмотрите, какие разные условия. И скажите, можно ли найти лучшие условия для развития творческого духа: обучение, жилье, питание, общая культура. Дети начнут учиться здесь с 8 лет и вместе с обучением разным видам искусства они приобщатся к общей культуре.

И хотим ли мы, чтобы эти дети развивались в полную силу во всех областях?

Это не просто идеи или мечты, это уже реалии Революции: готовятся инструкторы, обустраиваются школы, кроме того, будут открыты школы самодеятельности.

Вот почему важна Революция. Ибо, как мы смогли бы осуществить это без Революции? Неужели будем думать, что страшимся угасания творческого духа, «скомканного деспотическими руками сталинской революции»? (СМЕХ)

Господа, разве не стоит думать о будущем? Что наши цветы завянут, когда мы сажаем цветы повсюду, когда мы создаем творческий дух будущего? И кто не променял бы настоящее, – кто не променял бы даже свое собственное настоящее! – на это будущее? (АПЛОДИСМЕНТЫ) Кто не пожертвовал бы своим собственным настоящим во имя этого будущего, и кто – из тех, у кого

есть чувство прекрасного, – не готов, подобно бойцу, который погибает в бою, зная, что он погибает, что он перестает существовать физически, оросить своей кровью победный путь своих товарищей, своего народа?

Подумайте о бойце, который погибает в бою: он жертвует всем, что имеет, жертвует своей семьей, женой, детьми. Во имя чего? Во имя того, чтобы мы могли претворить в жизнь все эти проекты. И, кто из человеческих людей с чувством прекрасного, не понимает, что ради всего этого, стоит пойти на любые необходимые жертвы?

Однако Революция не просит пожертвовать творческим талантом. Наоборот, Революция говорит: направьте этот творческий дух на это дело, не боясь, что ваше собственное дело может прерваться. И если однажды вам покажется что ваше дело может прерваться, скажите себе: трудно прервать свое дело во имя этого предстоящего нам дела, но это стоит того! (ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ).

Наоборот, мы просим людей искусства максимально развивать свой творческий потенциал. Мы хотим создать эти условия для представителей искусства и интеллигенции. Ведь если мы хотим создать их для будущего, то как мы можем не хотеть создать их для сегодняшних артистов и интеллектуалов?

Мы просим вас, чтобы вы развивали свой потенциал, который будет служить культуре, искусству, Революции, потому что Революция – это рост культуры, рост искусства. Мы просим вас внести свою долю в это дело, которое, в конце концов, станет делом этого поколения.

Грядущее поколение будет лучше нас, но именно наше поколение способствовало тому, чтобы оно было лучше нас. Мы будем формировать это будущее поколение. Мы, сегодняшнее поколение, независимо от возраста, дело вообще не в возрасте. Зачем затрагивать эту столь щекотливую тему? (СМEX).

Дело есть для всех. Потому что это общее дело – и «барбудос» и тех, у кого бороды нет; и у кого густая шевелюра и тех, у кого шевелюры нет или она поседела. Это наше общее дело.

Объявим войну невежеству; мы будем бороться с невежеством; начнем непримиримую борьбу с невежеством, мы будем воевать с невежеством и отточим наше оружие.

Кто-то не захочет участвовать? Нет наказания хуже, чем лишиться себя удовольствия участвовать во всем, что совершается сегодня!

Мы уже говорили о наших привилегиях. Потому, что нам удалось научиться читать и писать, окончить школу, институт, университет, или, по крайней мере, получить элементарное образование для того, чтобы иметь возможность что-то делать. А разве это не привилегия – жить во время революции? Разве нам не было чрезвычайно интересно читать о революциях? Кто из нас не зачитывался историями о французской революции или об истории русской революции? Кто не мечтал стать очевидцем этих революций?

Со мной, например, происходило что-то подобное. Когда я читал о войне за независимость, я глубоко сожалел, что не родился в то время, что не воевал за независимость и не участвовал в том историческом событии. Ведь все мы с настоящим упоением читали хроники войны и борьбы за независимость. И завидовали людям искусства, интеллектуалам, воинам, борцам и правителям той эпохи.

Однако нам выпала честь жить и стать свидетелями подлинной революции, революции, чье величие уже вышло за пределы нашей страны, чье политическое и моральное влияние сотрясает

и расшатывает империализм на этом континенте (АПЛОДИСМЕНТЫ). Вот почему кубинская революция стала самым важным событием этого века для Латинской Америки, самым важным событием после войн за независимость XIX века, настоящей новой эрой спасения человека.

Ибо разве те войны за независимость не были заменой колониального правления правлением господствующих и эксплуататорских классов во всех этих странах? А нам выпала честь стать участниками исторического события. Можно сказать, это второе великое историческое событие, произошедшее в Латинской Америке за последние три столетия, и мы, кубинцы, являемся его участниками. И чем больше мы будем работать, тем ярче будет светить, подобно неугасаемому пламени, Революция, призванная сыграть важнейшую историческую роль.

И вам, писателям и представителям искусства, выпала честь быть очевидцами этой революции. Когда революция является столь важным событием в истории человечества, определенно стоит жить в это время, хотя бы в качестве очевидцев. И привилегией также является то, что от революции отрекаются те, кто не может понять эти переживания, которые позволяют обмануть себя, вести в заблуждение, сбить с толку ложью.

А что говорить о тех, кто отказался от революции, как думать о них, если не с сожалением, когда они покидают эту страну в самый разгар революционного подъема, чтобы уйти в недра империалистического монстра, где не способно выжить ни одно выражение духа?

И они отказались от революции, чтобы отправиться туда. Они предпочли бежать, дезертировать со своей родины, чем быть хотя бы наблюдателями.

У вас же есть возможность стать не просто наблюдателями, но непосредственными участниками этой революции, писать, высказываться о революционном процессе.

И что спросят с вас грядущие поколения? Вы можете создать великолепные произведения с технической точки зрения. Но если человеку будущего поколения, лет через 100, скажут, что писатели, что представители интеллигенции этой эпохи жили во время революции и были к ней равнодушными, не говорили о ней, не были ее частью, таких людей никто не поймет, поскольку в будущем будет множество желающих изображать революцию, писать о революции, говорить о революции, собирая данные и информацию, чтобы узнать, что происходило, как происходило, как жили.

Недавно я познакомился со старой женщиной 106 лет, которая только что научилась читать и писать, и я предложил ей написать книгу. Она была рабыней, и я хотел знать, как рабы видели мир, будучи рабами, каковыми были ее первые впечатления о жизни, о ее хозяевах, о ее товарищах.

Думаю, что она может написать такую интересную вещь, какую никто из нас написать не в состоянии. Может, за год она научится грамоте и, к тому же, в 106 лет напишет книгу, – вот что такое революция! – станет писательницей, и будет приглашена на наше следующее собрание (СМЕХ И АПЛОДИСМЕНТЫ). И тогда Вальтерио придется признать ее национальным достоянием XIX века (СМЕХ И АПЛОДИСМЕНТЫ).

Кто может лучше нее написать о жизни рабов? И кто может лучше вас написать о настоящем? И сколько людей в будущем напишут об этом, не пережив это, с расстояния, собирая записи.

Не будем же спешить с суждением о нашей работе, ибо у нас и без того найдется немало судей. И мы должны бояться не того якобы авторитарного судьи, воображаемого палача культуры, которого мы здесь нарисовали. Бойтесь других, гораздо более серьезных судей: бойтесь судей будущего, бойтесь грядущих поколений, за которыми, в конечном счете, останется последнее слово! (ОВАЦИЯ.)

ДЕПАРТАМЕНТ СТЕНОГРАФИЧЕСКИХ ВЕРСИЙ

Source URL: <http://www.comandanteenjefe.biz/ru/discursos/rech-glavnokomanduyushchego-fidelya-kastro-rusa-po-itogam-vstrech-s-predstavitelyami?page=0%2C902%2C20%2C0%2C0%2C0%2C0%2C9%2C0%2C0>

Links

[1] <http://www.comandanteenjefe.biz/ru/discursos/rech-glavnokomanduyushchego-fidelya-kastro-rusa-po-itogam-vstrech-s-predstavitelyami>